

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'255.4:811.112.2(09)

М. Л. Алексеева
Екатеринбург, Россия
РЕАЛИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
РОССИИ XIX ВЕКА
В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ
ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье освещаются особенности трансляции реалий государственного устройства России XIX века в немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в. на материале параллельных переводов романов Ф. М. Достоевского. Анализируются техника перевода реалий и степень адекватности при существующей высокой вариативности с учетом ряда факторов. Реалии рассматриваются как частотные самостоятельные единицы перевода. Автор затрагивает также причины, недостатки и преимущества различных подходов к пониманию сущности этой единицы перевода в современном переводоведении.

Ключевые слова: реалии; государственное устройство России XIX в.; приемы передачи на иностранный язык; сопоставительный анализ; качество перевода.

Сведения об авторе: Алексеева Мария Леонардовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com.

Практика перевода художественных текстов демонстрирует сложность передачи национальной специфики и обнаруживает необходимость ее более детального изучения. Задача переводчика заключается не только в умении выявить единицы перевода с национально-культурным компонентом значения, но и в понимании того, что и как следует сохранить в переводе. В данной статье мы рассмотрим эти вопросы на примере реалий государственного устройства России XIX века.

Понятие «реалия» в переводоведение введено основоположником Ленинградской школы перевода А. В. Федоровым [Фёдоров 1949: 26] и на протяжении всего периода развития данной научной дисциплины остается предметом многочисленных исследований [Л. Н. Соболев 1958, В. Россельс 1955, Г. В. Чернов 1958, Табахьян 1963, В. Н. Крупинов 1976, В. С. Виноградов 1978, С. Влахов, С. Флорин 1980, W. Kutz 1981, J. Quark-Stoilova 1984, Е. В. Бурбак 1986, H. Vermeer 1986, Г. Д. Томахин 1988, W. Koller 1992, N. Cartagena 1994, S. Kreutzer 1997, W. Gladrow 1998, E. Markstein 1999, E. Forgacs 2003, P. R. Steuer 2004, A. Ertelt-Vieth 2004, И. С. Брилева 2004, P. Kujamaki 2004, S. Döring 2006, Н. А. Фененко 2006, J. Kohrs 2008, Н. А. Матвеева 2009, Z. Berják 2010] по не-

М. L. Alekseyeva
Ekaterinburg, Russia
RUSSIAN REALIAS
DENOTING THE STATE STRUCTURE
IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY
IN GERMAN TRANSLATIONS

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The paper is devoted to the aspects of translation the realias denoting the state structure in Russia of the XIX century in German translations of the late 19th, 20th and the early 21st centuries. The analysis is accomplished on the material of parallel translations of novels by Dostoyevsky. Translation techniques and degree of adequacy are analyzed taking into consideration different factors. Realias are treated as frequently used independent translation units. The author also tackles causes, advantages and disadvantages of different approaches to the understanding of this phenomenon in today's science of translation.

Key words: realia; the state structure in Russia of the 19th century; translation techniques; contrastive analysis; quality of translation.

About the author: Alekseyeva Maria Leonardovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

скольким причинам: будучи лингвистической универсалией, реалии наличествуют во всех языках мира, но в силу национальной и исторической маркированности эти единицы не могут иметь эквивалентов в других языках, что значительно осложняет межкультурную трансляцию. Исследователи отмечают их высокую частотность в аутентичных текстах и существенную трудность при понимании иностранной речи [Успенская 2009: 4].

В настоящее время научным сообществом продолжают активно обсуждаться вопросы определения данного феномена [G. Melika 2004, P. Szatmáry 2008, А. А. Успенская 2009, Е. В. Харитонова 2010], уточнения объема понятия [Н. А. Фененко 2007, М. Л. Алексеева 2008], передачи в разных типах текстов и языковых парах [И. А. Киселева 2007, А. М. Антонова 2007, Н. А. Фененко 2008, А. П. Бабушкин 2008, С. В. Семочкин 2008, Г. И. Шевелева, Т. А. Шкурина 2008, С. В. Вишаренко 2009, Л. Ю. Назаренко 2010, Н. Ю. Арошидзе 2010, О. В. Соболева 2010] и отражения в словарях [О. Н. Иваницева 2010].

Следует отметить, что проблема выбора термина для именования уникальных национально-специфичных лексических единиц возникла с момента выделения переводоведения

как самостоятельной дисциплины в середине XX в. и обострилась в конце XX – начале XXI вв. в связи со сменой лингвистических парадигм и повышением внимания к вопросам языка и культуры. Наука о переводе, как и другие гуманитарные дисциплины, переживает культурологический поворот, обусловленный рядом объективных и субъективных причин развития современного гуманитарного образования [Гришаева 2004: 21]. В результате данный языковой феномен становится предметом всестороннего изучения в смежных дисциплинах: сопоставительной лингвистике, лингвострановедении, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, теории межкультурной коммуникации, методике обучения иностранным языкам. Это приводит к расширению понятия и появлению новых терминов, которые также стали использоваться в переводческих исследованиях. По нашему мнению, применение терминов смежных дисциплин с различным объемом понятия не приводит к накоплению знаний в области трансляции этого слоя лексики.

Определение данного языкового и культурного феномена полностью зависит от целей проводимого исследования [подробнее см. Алексеева 2008]. Признавая целесообразность различных подходов к трактовке реалий в смежных дисциплинах, наиболее актуальным для переводческих исследований считаем термин *реалия* в узком понимании¹, т. е. как нарицательные имена существительные, именующие уникальные предметы и явления. Имена собственные, цитаты, крылатые слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки, а также окказионализмы, термины, диалектизмы – самостоятельные объекты перевода, обладающие своими признаками и приемами передачи на иностранном языке. Отметим обязательные признаки реалий:

- а) уникальность – именование единственных в своем роде предметов и явлений;
- б) национальная маркированность – специфичность для конкретного общества с единственным языком, культурой, территорией, т. е. для одной нации;
- в) устойчивость – даже хорошо освоенные другими языками реалии сохраняют свою специфику, т. е. национальная маркированность со временем не стирается;
- г) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным именам существительным.

Такой подход дает ответ на значимый для интересующей нас дисциплины вопрос о единицах перевода и обеспечивает достоверность результатов переводческих исследований.

Основной проблемой при передаче реалий на иностранный язык является отсутствие эквивалента такого же уровня в языке перевода. Исключение составляет небольшой процент

освоенных реалий, закрепленных в словарях переводящего языка.

По своей природе уникальные национально-специфичные лексические единицы не могут иметь соответствий в других языках вследствие отсутствия соответствующих предметов и понятий. Следовательно, переводчику приходится подбирать варианты передачи, исходя из контекста, с помощью ряда переводческих приемов.

Подчеркнем, что и проблема классификации приемов остается по-прежнему актуальной [Бурукина 2007: 72]. Поскольку в теоретических трудах предлагается разный перечень переводческих операций с неунифицированной терминологией, считаем целесообразным систематизировать их по типам, выделив основные приемы:

1. Приемы механической передачи

- 1.1. Прямой перенос
моуїк – mojik.
- 1.2. Транслитерирование
водка – Wodka.
- 1.3. Транскрибирование
кафтан – Kaftan.

2. Приемы создания нового слова

- 2.1. Калькирование
в избушках на куриных ножках – in Häusern auf Hühnerbeinen.

- 2.2. Авторский неологизм
косоворотка – Russenhemd.

3. Разъясняющие приемы

- 3.1. Описание
однодворцы – ...sie besaßen nur ein einziges Gut.
- 3.2. Пояснения внутри текста
поддевка – ...der langsöhßige altrussische Rock...

Пояснения в сносках

- вершок – Werschok = 4,45 cm

Пояснения в комментарии

- штабс-капитан – Ein niedriger Offiziersrang, nach der russischen Rangtabelle der drittletzte, der keine Entsprechung im deutschen Heer hatte.

4. Уподобляющие приемы.

- 4.1. Замена своим аналогом
водка – Schnaps.
- 4.2. Замена чужим аналогом
дача – Chalet.
- 4.3. Родо-видовые замены
половой – Kellner (гипоним).
уезд – Kreisstadt (гипоним).

- 4.4. Контекстуальный аналог
на дачу – aufs Land.

На основе этих приемов возможны различные комбинации [подробнее см. Алексеева 2009]. Анализ техники перевода позволит оценить качество передачи реалий на иностранный язык.

Главным критерием оценки качества художественного перевода является конгениальность эстетического воздействия текста перевода оригинальному тексту [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов 2005: 19]. При переводе реалий это

¹ Это «чистые» реалии в понимании В. С. Виноградова [Виноградов 2004: 105].

достигается путем исчерпывающей передачи содержания, формы, национального и исторического колорита единицы исходного текста равноценными средствами. Под равнотоценностю средств понимается не формальное их сходство, а функциональное, где функцией является свойство текста вызывать коммуникативный эффект, т. е. определенную запланированную реакцию адресата, «усредненного» реципиента как типичного представителя определенной культуры. Также учитывается ранговая иерархия компонентов содержания [Latyschew 1981: 63]. Каждый переводчик определяет для себя своего рода «кривую потерь» содержания, формы и колорита реалий, стараясь при этом найти средства их компенсации в конкретном минимальном контексте или других участках текста.

Материалом данного исследования послужили единицы, отобранные с учетом указанных выше признаков из романов Ф. М. Достоевского («Игрок», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание») и их переводные эквиваленты из переводов этих произведений на немецкий язык, выполненных в разное время: в конце XIX в., начале, середине, конце XX в. и в начале XXI в. Работы русского писателя пользуются неизменной популярностью у зарубежных читателей, поскольку его «мысли остаются неиссякаемым источником познания о России: в них и философские трактаты, и политическая трибуна, и общечеловеческие ситуации и общечеловеческие ценности – открытость, отсутствие изоляционизма, неравнодушие к миру и его проблемам, отсутствие сосредоточенности только на себе, на понятном, на национальном» [Сасаки, Сивакова 2010: 487]. Ф. М. Достоевский является одним из самых переводимых русских классиков в Германии. Это дает обширный материал для сопоставления вариантов перевода самих текстов, позволяет изучить переводческие приемы, факторы, влияющие на выбор того или иного приема, рассмотреть широкий спектр переводческих решений и выявить наиболее удачные.

Эквиваленты реалий государственного устройства знакомят читателя перевода с установленными порядками, государственным аппаратом, правовой системой, социальными движениями, званиями, титулами, сословиями в царской России. В произведениях писателя присутствуют реалии, называющие политические и общественные организации и их представителей: *западник*, *прогрессист*, *народник*, *крепостник*, *декабрист*, *раскольник*; названия верховных правителей и их титулы: *царь*, *государь*; названия должностей: *коллежский асессор*, *надворный советник*, *статский советник*, *голова*, *староста*, *губернатор*, *министр просвещения*, *предводитель дворянства*, *исправник*; наименования лиц, исполняющих различные неадминистративные функции: *кварталь-*

ный надзиратель, *городовой*, *приказчик*, *письмоводитель*; наименования лиц по сословной принадлежности: *барин*, *барчонок*, *барчук*, *брышина*, *боярин*, *однодворец*, *помещик*, *мещанин*, *казак*, *мужик*, *баба*, *дворовый*, *душа*; реалии, относящиеся к правовой сфере: *околоток*, *каторга*, *острог*.

Все лексические единицы обладают высокой частотностью в текстах оригинала. Но лишь немногие вошли в словарь иностранных слов немецкого языка: *Dekabist*, *Bojar*, *Baba*, *Muschik*, *Pomeschtschik*, *Raskolnik*, *Starowerzen*, *Kosak*, *Zar* [Duden: Fremdwörterbuch, 2001]. Таким образом, большая часть реалий государственного устройства России XIX века остается к настоящему времени безэквивалентной для немецкого языка, и переводчику в таких случаях приходится принимать самостоятельные решения.

Самым распространенным приемом перевода русских реалий государственного устройства на немецкий язык является транскрибирование. Проиллюстрируем выявленную особенность отрывком романа «Бесы», в котором встречаются сразу несколько реалий, боярин и царь, и разновременных параллельных переводов этого предложения на немецкий язык:

(1) Он чуть не плакал уже тогда от стыда, что русского **боярина** времен Московского царства **царь** мог наказать телесно, и краснел от сравнений [Бесы: 282].

(1.1)¹

(1.2) Schon damals weinte er fast vor Scham, wenn er daran dachte, daß der **Zar** zur Zeit des Reiches einen russischen **Bojaren** körperlich hatte strafen dürfen, und errötete, wenn er Vergleiche anstellte [пер. Э.Разин 1906: 394].

(1.3) Er weinte schon damals beinahe vor Scham darüber, daß in den Zeiten des Moskauer Zarentums **der Zar** einen russischen **Bojaren** hatte körperlich bestrafen dürfen, und errötete, wenn er das westeuropäische Wesen dagegenhielt [пер. Х. Рёль 1921: 374].

(1.4) ...weinte schon damals beinahe vor Scham darüber, daß in den Zeiten des alten Moskauer Reiches **der Zar** einen russischen **Bojaren** hatte körperlich strafen dürfen, und errötete, wenn er diese Sitten mit denen des ausländischen Rittertums verglich [пер. М. Кегель 1961: 325].

(1.5) Er hatte schon damals beinahe geweint vor Scham, daß ein russischer **Bojare** zu den Zeiten des

Moskauer Reichs von seinem **Zaren** körperlich gezüchtigt werden konnte, und war errötet, wenn er

Vergleiche zog [пер. Г. Далитц 1985: 371].

(1.6) Schon damals schämte er sich beinahe bis zu Tränen, daß **der Zar** einen russischen **Bojaren** zu Zeiten des Moskauer Reichs hatte

¹ Это предложение не переведено.

körperlich züchtigen können, und errötete bei Vergleichen [пер. С. Гайер 1998: 376].

Обе реалии освоены немецким языком задолго до появления первых переводов Ф. М. Достоевского и не являются безэквивалентными. Как в ранних, так и в современных переводах они подвергаются транскрибированию без каких-либо дополнительных пояснений в подстраничных сносях или послетекстовых комментариях: *боярин* – *Bojar*, *царь* – *Zar*.

Краткое описание приводится для единиц, характеризующих названия лиц по сословному положению: *барчонок*, *барчук*, *барышня*, *однодворец*, *помещик*, *мещанин*, *дворовой*, *душа*. Рассмотрим многообразие переводческих решений на примере русской реалии *дворовой*, обладающей ярким национальным и историческим колоритом:

(2) А он бывший **дворовой** человек [Преступление и наказание: 338].

(2.1) ...er war früher **Hausbedienter**... (пер. В. Хенкель 1882: 42-43).

(2.2) Er ist ein früherer **Knecht auf einem Gut** gewesen [пер. Х. Рель 1912: 490].

(2.3) Er ist ein früherer **Leibeigener** [пер. В. Бергенгрюн 1935: 379].

(2.4) Und er war früher **Knecht auf einem Gutshof** [пер. Р. Хоффман 1960: 405].

(2.5) Er war früher mal **Gutsknecht** [пер. М. Брайер и Р. Брайер 1984: 405].

(2.6) Und er war früher **Leibeigener und gehörte zum Hausgesinde** [пер. С. Гайер 1994: 428].

В самом раннем переводе для передачи вышедшего из употребления русской реалии В. Хенкель использует прием создания нового слова: *дворовой* – *Hausbedienter* (домашняя обслуга¹). Эту же операцию применяют М. Брайер и Р. Брайер: *дворовой* – *Gutsknecht* (слуга в ч.-л. имении). В обоих вариантах опущен один из ядерных семантических компонентов, ‘крепостной’, что значительно снижает адекватность перевода.

Х. Рель использует краткое описание на основе устаревшего немецкого слова: *Knecht auf einem Gut* (слуга в к.-л. имении, возможно, для работы в поле), – выпустив ядерный компонент значения – ‘крепостной’ – и один из периферийных – ‘домашняя прислуга’; Р. Хоффман включает этот семантический компонент в свое описание: *дворовой* – *Knecht auf einem Gutshof* (слуга в усадьбе к.-л. имения), то есть в жилом доме, но не передает ядерный компонент значения слова оригинала – ‘крепостной’.

Наиболее точным оказывается С. Гайер, использующий внутритеекстовое пояснение: *Leibeigener und gehörte zum Hausgesinde* (бывший крепостной и относившийся к дворне). Этот перевод представляется нам наиболее адекватным, так как автору удается сохранить со-

держание и исторический колорит русской реалии.

Пояснения внутри текста встречаются крайне редко, поскольку они значительно расширяют текст. По этой причине большинство переводчиков приводят комментарии в подстраничных сносях или в конце произведения. Комментированию подвергаются реалии, называющие политические и общественные организации, а также их представителей: *скопцы*, *бегуны*, *хлысты*, *раскольники*, *старообрядцы*, *нигилисты*, *прогрессисты*, *обличители*, *крепостники*, *декабристы*; должности: *коллежский асессор*, *надворный советник*, *статский советник*, *предводитель дворянства*, *исправник*. Рассмотрим выявленную особенность на примере вариантов перевода реалии *бегуны*, которая снабжается пояснениями и в сносях, и в комментарии после текста:

(3) У него в роду **бегуны** бывали, и сам он недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был [Преступление и наказание: 485].

(3.1) Wissen sie auch, daß er ein Ketzer ist, oder vielmehr zu den Sektierern gehört und daß er noch unlängst im Dorfe bei einem gewissen “ehrwürdigen Alten” zwei Jahre lang unter geistlicher Aufsicht stand? [пер. В. Хенкель 1882: 201].

(3.2) Von seinen Verwandten haben sich manche den **Begunen** angeschlossen, und er selbst hat noch vor kurzem ganze zwei Jahre lang auf dem Land bei einem ihrer Ältesten religiöse Unterweisung erhalten [пер. Х. Рель 1912: 703].

(3.3) In seiner Verwandschaft hat es allerhand **Schwarmgeister** gegeben, und er selbst ist vor gar nicht mehr langer Zeit zwei Jahre lang bei einem Starez auf dem Lande gewesen, um sich in religiösen Dingen von ihm leiten zu lassen [пер. В. Бергенгрюн 1935: 544].

(3.4) **Begunen*** verkehrten mit ihm, und er hat erst vor kurzer Zeit zwei Jahre lang auf dem Lande unter der geistlichen Leitung eines Starez gelebt [пер. Р. Хоффман 1960: 582].

Сноска Bezeichnungen russischer Sektierer.

Примечание Begunen: auch als «Straniki», Wanderer bekannt: Ende des 18. Jhs. entstandene Altgläubigensekte, die keinerlei kirchliche oder weltliche Macht, auch keine bürgerlichen Gesetze anerkannte und deshalb auf der Flucht vor der menschlichen Gesellschaft durchs Land zogen, «wanderten» und vom Volk besonders verehrt wurden [пер. Р. Хоффман 1960: 720].

(3.5) Verwandte von ihm waren in der Sekte der **Läufer**, der **Begunen**, und er selbst hat noch vor kurzem, ganze zwei Jahre lang, auf dem Lande unter der geistlichen Obhut eines Starez gelebt [пер. М. Брайер и Р. Брайер 1984: 582].

(3.6) In seiner Familie gab es **Beguny** und er selbst wurde vor nicht langer Zeit zwei Jahre im Dorf vom Starez geistlich unterwiesen [пер. С. Гайер 1994: 615].

¹ Здесь и далее обратный перевод наш – М. А.

Примечание Innerhalb der Masse der Altgläubigen bildeten sich im Laufe des 18. Jahrhunderts mehrere Sekten heraus, darunter auch die *Beguny*. Für die Beguny war das Reich des Antichristen auf Erden bereits angebrochen, und sie flohen vor allen Formen, in denen es sich manifestierte: nicht nur vor der Kirche, sondern auch vor dem Staat mit seinen Gesetzen und traditionellen sozialen Institutionen, einschließlich der Familie.

В переводах XIX в. для передачи уникальных национально-специфичных лексических единиц часто используются различного рода замены или опущение. В. Хенкель (1882) опускает часть предложения с реалией: «у него в роду **бегуны** бывали». Сравним этот фрагмент в оригинальном и переводном текстах:

— *A известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роду бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным начальством был.*

— *Wissen sie auch, daß er ein Ketzer ist, oder vielmehr zu den Sektierern gehört und daß er noch unlängst im Dorfe bei einem gewissen „ehrwürdigen Alten“ zwei Jahre lang unter geistlicher Aufsicht stand?*

В данном фрагменте есть несколько русских реалий, требующих пояснений для современного читателя: *раскольники* и *бегуны*. Переводчик заменяет одну реалию гиперонимом: *раскольники* — *Ketzer* (еретик), другую (*бегуны*) опускает, чтобы не перегружать текст перевода незнакомой лексикой. В обоих случаях происходит потеря содержания и формы реалии, стирается колорит, что снижает качество перевода текста.

Х. Рёль (1912) использует прием транскрибирования, не вводя какие-либо пояснения, полагаясь на фоновые знания читателей начала XX в.: *бегуны* — *Begunen*. В более поздних переводах этого произведения используются комбинированные приемы на основе транскрипции. Например, в работе Р. Хоффман (1960) транскрибированная реалия снабжается дополнительной информацией в сносках: «название русских сектантов» и в затекстовых комментариях: «бегуны известны также как странники: основанная в конце 18 в. староверческая секта не признавала ни церковную, ни мирскую власть, ни гражданские законы и поэтому призывала уклоняться от человеческого общества, странствовать; бегуны были особенно почитаемы в народе» [пер. Р. Хоффман]. В переводе М. Брайер и Р. Брайер (1984) применяется транскрибирование, и затем, в качестве пояснения — калькирование: *бегуны* — *die Begunen, die Läufer*.

В работах, выполненных в конце XX в. и начале XXI в., большей частью используется транскрибирование с затекстовыми пояснениями: «бегуны — *Begunen*: в среде староверов в 18 в. образовалось множество сект, среди которых

были и *Бегуны*. Для *Бегунов* на земле настало царство антихриста, они бежали отовсюду: не только от церкви, но и от государства с его законами, и от традиционных социальных институтов, включая семью» [пер. С. Гайер 1994].

С помощью комбинированных приемов на основе транскрипции удается сохранить при переводе все составляющие реалии: содержание, форму, колорит — и добиться высокой адекватности. Помимо того, что раскрывается суть явления, обозначаемого реалией, передается национальное и историческое своеобразие, в языке перевода появляется компактное наименование, фиксирующее определенное национально-специфичное явление или предмет.

Анализируя особенности перевода этого вида специфичных наименований, следует отметить, что значительная часть исследуемых единиц относится к историческим реалиям. Многие из них являются архаизмами, следовательно, они малоизвестны не только носителям другой культуры, но и читателям оригинального произведения. Их истинное значение для иностранного читателя полностью скрыто. Это не могло не повлиять на принятые переводческие решения.

Сопоставительный анализ вариантов перевода реалий государственного устройства России XIX в. выявил высокий процент применения приема транскрибирования (32%), а в современных переводах также транскрибирования с пояснением в затекстовых комментариях (10%), что свидетельствует о достаточно значительной страноведческой ценности этого вида реалий и соответствует общим тенденциям перевода национально-специфичной лексики. Существенную долю занимают уподобляющие приемы: замена своим (24%), контекстуальным (8%) и чужим (2%) аналогом. Частое использование этого типа переводческих операций отмечается и при передаче реалий на материале других языков [Влахов, Флорин, 1986: 90]. Немецкие переводчики также использовали приемы введения авторского неологизма (10%), калькирования (8%) и описания (6%). Большое количество различных вариантов перевода обусловливается высокой частотностью использования реалий государственного устройства в оригинальных текстах. Различные переводы одного и того же произведения представляют собой семантические интерпретации исходного текста, представленные в разных проекциях. При сравнении исходного текста с переводом и параллельных переводах между собой глубже познается замысел автора и выявляются скрытые особенности оригинала. Переводчики стараются сохранить все многообразие возможных трактовок, учитывая актуальные тенденции в теории перевода, а также в принимающем языке и литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М. Л. Национально-специфичная лексика: проблема дефиниции // Вестник челябинского государственного педагогического университета: научный журнал. 2008. № 11. С. 170–183.

Алексеева М.Л. К проблеме типологии приемов передачи реалий // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 14–18.

Бурукина О. А. Классификация переводческих приемов: новый взгляд на старые истины // Университетское переводоведение. 2007. Вып. 8. С. 72–81.

Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004.

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.

Гришаева Л. И. Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 9–18.

Сасаки С., Сивакова С. Межвузовский литературный конкурс как путь повышения мотивации в изучении русского языка у японских учащихся // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы II международной научной конференции. 2010. С. 487–492.

Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. – М.: Академия, 2005.

Успенская А. А. Обучение культурно-специфической политической лексике в рецептивном аспекте (на материале английского языка): Автотеф. дис ... канд. филол. наук. – СПб., 2009.

Фёдоров А. В. О художественном переводе. – Л.: ОГИЗ, 1941.

Latyschew L. K. Übersetzungslehre in Wort und Beispiel. — М. : Межд. отн., 1981. Beispiel. — М.: Международные отношения, 1981.

ИСТОЧНИКИ

Достоевский Ф. М. Бесы: роман. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

Dostoevskij F. Die Besessenen / Übersetzung H. Putze. – Dresden: Minden, 1888.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung E. K. Rahsin. – München: Piper, 1906; 5. Aufl. München: Piper, 1999.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung H. Röhl. – Leipzig: Insel, 1921; Leipzig: Insel Taschenbuch, 1986.

Dostojewskij F. Dämonen / Übersetzung M. Kegel. – München: Winkler, 1961; 14. Aufl. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung G. Dallitz. – Berlin: Aufbau, 1985.

Dostojewskij F. Böse Geister / Übersetzung S. Geier. – Zürich: Ammann, 1998; 3. Aufl. FaM: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман. – М.: Эксмо, 2005.

Dostojewskij F. Raskolnikow / Übersetzung W. Henkel. – Leipzig: Friedrich, 1882; Berlin: Grotesche Verlagsbuchhandlung, 1894.

Dostojewskij F. Schuld und Sühne / Übersetzung H. Röhl. – Leipzig: Insel, 1912; Stuttgart: Philipp Reclam, 1999.

Dostojewski F. Schuld und Sühne (Raskolnikow) / Übersetzung W. Bergengrün. – Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft, 1935.

Dostojewskij F. Schuld und Sühne / Übersetzung R. Hoffman. – München: Winkler, 1960; Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler, 2001.

Dostojewski F. Schuld und Sühne / Übersetzung M. Bräuer, R. Bräuer. – Berlin: Aufbau, 1984; Berlin: Aufbau Taschenbuch, 2003.

Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe / Übersetzung S. Geier. – Zürich: Ammann, 1994; 10 Aufl. FaM.: Fischer Taschenbuch, 2005.

© Алексеева М. Л., 2010